

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-14

Загорцев, Андрей Владимирович.

3-14 Отряд «Холуай». Из жизни моряков-разведчиков Тихоокеанского флота / Андрей Загорцев. – Москва : Алгоритм, 2017. – 384 с. – (Вся правда о спецназе. Мемуары бойцов спецподразделений).

ISBN 978-5-906880-47-5

«Подготовочка у них дай бог, в лесу выбрасывают на выживание с одним ножиком, они там то кору жрут, то на коз охотятся. На боевое дежурство на загранку мотаются, звери, короче...» – именно так описал место будущей службы – 42-й морской разведывательный пункт спецназа (неофициальное название – отряд «Холуай») бывалый сержант из «учебки», где автор этой книги проходил «курс молодого матроса».

Андрей Загорцев мечтал отслужить «срочную» в морской пехоте. Вместо этого он попал в спецназ Тихоокеанского флота и стал водолазом-разведчиком. В своей книге он честно и подробно рассказал о том пути, который проходит боец отряда «Холулай» с момента прибытия в самую секретную часть Тихоокеанского флота до того, как уйти на «дембель». И почему спустя пять лет он вернулся в отряд, но уже командиром группы.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906880-47-5

© Загорцев А.В., 2016
© ООО «ТД «Алгоритм», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	6
Глава 1	17
Глава 2	21
Глава 3	68
Глава 4	130
Глава 5	141
Глава 6	195
Глава 7	208
Глава 8	256
Глава 9	268
Глава 10	280
Глава 11	296
Глава 12	307
Глава 13	312
Глава 14	373
Эпилог	379

*Посвящается морякам-разведчикам
последних лет Великой Империи*

Пролог

На самом деле все оказалось не так, как хотелось бы. Совсем не так! В один день красавцами в черной форме и в черных беретах мы не стали. О принадлежности к флоту напоминала только пряжка с якорем черного «деревянного» ремня и черная тельняшка.

Вот и все флотские атрибуты. Даже вещмешки РЧ (рюкзак чмыря) как у простой пехоты. Не положено нам ни хрена — Курс Молодого Матроса у нас. Этим все сказано. Романтики абсолютно никакой и даже моря никакого. А с утра изматывающий бег в неподъёмных яловых сапогах. Я ведь неплохо раньше бежал и три километра, и сто метров. И не висел сосиской на турнике. А тут как в один день отрубил — ни бегать, ни прыгать, ни подтягиваться. Сам не пойму, что случилось. Старшина роты, старший сержант, «сверхсрочник», бежит где-то впереди с первым взводом, мы бежим в хвосте ротной колонны, сзади нас подгоняет наш взводник, тоже «сверчок», Хромов. Хромов — сержант, а должность «взводника» офицерская или прапорщицкая. Но у нашего сержанта опыт и авторитет в делах воспитания подрастающего поколения «морских пехотинцев».

Когда мы прекратим эти бега, никто толком и не знает, мчимся, как вялые лошади, отхаркиваясь и задыхаясь, выпучив глаза и еле подымая ноги в тяжелых сапогах. Сачкануть бесполезно. «Сачка» понесет его взвод на плечах. Некоторые пытались. Не получилось. Вообще все не так, как представлялось. Не так, как видел в части у отца. Там здоровенные матросы в чёрных «пэшухах» на пока-

зухах ломали кирпичи, ловко стреляли с обеих рук. На марш-бросках неслись слаженным чёрным монолитом, на парашютных прыжках без страха шагали в открытый люк. Сколько раз я бывал на вождении, стрельбах, прыжках — уже и не упомнишь. А здесь всё по-другому. Коллектива как такового в нашей роте молодого пополнения еще не образовалось: мы здесь всего две недели. Так, знаем соседа по койке да по столу, да командира отделения из постоянного состава. А мы — переменный состав. С утра зарядка — где уж тут знакомится! — потом завтрак: тут главное успеть в себя закинуть каши побольше да выхлебать кружку чаю, на ходу дожёвывая хлеб с маслом. А потом понеслось. Занятия все на бегу. Огневая подготовка, уставы и те — в строю на плацу, тактика все больше ползком или бегом, и нескончаемая физическая подготовка. В субботу генеральная уборка. В воскресенье спортивный праздник, а потом можно поспать, раздеться полностью, залезть на шконку под одеяло и дремать до ужина. Но это если командир отделения позволит. Наш командир отделения позволял. Мы ему хлопот не доставляли. Слушаем его, открыв рот, мчимся, куда прикажут, делаем то, что скажут. На меня сержант Синельников обратил внимание, когда всем выдали хлопчатобумажное обмундирование и по два подворотничка и рассадили на баночках (табуретках) на центральной палубе (он же центральный проход, взлетка и т. д.). Хотя у нас все пехотно-мотострелковое, бытовые-обиходные названия все морские. Так же, как и мы, рядовые — матросы. Синельников объяснил нам, как надо подшиваться, разъяснил, что подшиваться и разглаживать кителя по нормальному «морпеховскому» мы будем уже у себя в части, когда туда попадём. В некоторых частях, к примеру, вообще не подшиваются. А сейчас будете подшиваться как самые натуральные «сапоги», и не е...т. Пока он рассказывал, я уже подшил и сидел клевал носом. Опыт подшивания подворотничков, подшив кителей и камуфляжей у меня был весьма впечатляющий. Отец

научил. Мы иногда с ним соревновались, кто быстрее дошьёт его китель. Лучший результат у меня был минута сорок секунд. Поэтому новенький хлопчатобумажный кителек я подшил минуты за две. Синельников, закончив рассказ-показ, начал ходить между рядов, увидев меня с качающейся головой и полуоткрытым ртом, он рявкнул:

— Матрос, встать, ты какого?.. — договорить не успел, я уже вскочил и бодро гавкнул:

— Тщц сержант, я уже подшился!

— Хватит п...ть. Я так быстро не подшиваюсь — китель к осмотру.

Осмотрев китель, он с удивлением хмыкнул и одним рывком отодрал подшиву.

— А ну-ка давай при мне еще раз подшейся.

При сержанте я подшился за минуту сорок секунд. Синельников ухмыльнулся:

— Волокешь, однако. Где научился?

— Друзья с армии пришли, показывали, товарищ сержант...

— Правильные друзья у тебя. Так, давай остальным помогай, показывай, бери на себя первые два ряда.

Вот, пожалуй, и все, чем я отличился. На удивление, в роте не было ничего похожего на дедовщину и другие страсти, которыми так любили пугать на гражданке. Не знаю почему, но этого не было. Сержанты пугали, что всё это нам предстоит на своей шкуре испытать в частях, в которые попадем, а пока мы в роте молодого пополнения в учебке. Кто-то из нас после курса пойдет сразу в части, кто-то останется в учебке, обучаться на сержантов, радистов и сапёров. Но это будет потом, а сейчас только изматывающий бег и занятия, занятия с перерывами по расписанию на сон и принятие пищи.

А вскоре на занятиях по инженерной подготовке, когда мы всем скопом изготавливали зажигательную трубку, я снова отличился. Отрезав непроводный шнур под углом, для удобства чуть вспорол его и, обломив спичку, за-

сунул её в надрез так, чтобы серная головка плотно лежала на срезе. Прапорщик инструктор, ходивший вдоль шеренги взвода и проверявший правильность изготовления трубки, остановился возле меня.

— Это что за самодеятельность, матрос?

— Товарищ прапорщик, но ведь так же тоже можно, пальцем ведь неудобно спичку прижимать.

— Можно, не спорю, а дальше что делать знаешь?

— Так точно.

— Давай показывай...

Я, взяв у прапорщика капсюль-детонатор, приладил его на другой конец шнура, попросил «обжимы» и соорудил трубку.

— Быстро у тебя, матрос, получилось, а как на время поставить,образишь? — ухмыльнулся инструктор.

— Так точно! Товарищ прапорщик, угостите сигаретой.

Хромов, стоявший рядом, услышав мою просьбу, востепенулся и хотел было высказать своё командирское «фи», но прапорщик, махнув ему рукой, достал пачку «Родопи» и протянул сигарету.

— Дальше показывать?

— Нет, все понятно. Как твоя фамилия, матрос?..

Записав мою фамилию в блокнот, прапорщик отправил меня обратно в строй и продолжил занятия. Я, кроме одобрительного тычка от Синельникова, которому отдал честно заработанную сигарету, заслужил еще пару недоуменных взглядов от сослуживцев.

Кто-то даже прошипел типа «раз...лся». Наплевать, пусть шипит, я его запомнил. Парень откуда-то из Казахстана, вечно ему все хреново, все не так. Вчера ни за что ни про что толкнул на выходе из столовой моего соседа по койке, молчаливого и тихого паренька из Москвы. Синельников, увидев толчок, не задумываясь, отвесил пендаль инициатору. Тот порычал сквозь зубы так, чтобы никто не слышал, и начал теперь постоянно наступать в строй на пятки моему соседу.

Был у меня дружок у отца в части, матрос Конкин, здоровенный, чубатый и вечно веселый ростовчанин, который советовал: «В гальюн веди. А там в морду и с ноги по яйцам, а там по ногам ему “лоу” хреначь как можно сильнее. Одного, считай, снес, а остальные уже и бояться будут. А если и замесят толпой, то от страха уже. Так что, малой, не ссы, давай ноги тренировать». Ох, как он мне отбивал ноги! А как я об его твердые, как стальные чушки, бедра набивал подъёмы ног, страшно вспомнить. Так мне его наука и не пригодилась, хотя один и тот же удар я тренировал постоянно то на деревьях, то просто так, оттачивая скорость и углы атаки.

Вечером в гальюне я всё-таки встретился с тем парнем из Казахстана. Фамилию я его так и не упомяну. Помню только, что он любил хвалиться, что он из «Сёмска» и они там братвой квартал на квартал бились. Не знаю, как они бились. Но мой сосед-«москвич» в тот момент, когда я заходил, уже выхлестнул своего столовского обидчика одним ударом. Причем самого удара никто и не заметил. Лишь только тело с закатившимися глазами, сползающее тихонько по стеночке. Вот тебе и тихоня. Народу в это время в гальюне было предостаточно. Я помог «москвичу» Славику поднять отрубившегося матроса и привести того в чувство, побрызгав ему в лицо водой. Паренек, очнувшись, помахал головой и произнес только: «Ох, ни х.. я до...ся», потом встал и, пошатываясь, побрел в кубрик. Потом он себя вёл вполне нормально и больше никак себя в отношении ни меня, ни Славы не проявлял. Да и остальных матросов он больше не задевал. Но случай драки в туалете каким-то образом стал известен Хромову. Кто-то наступал. Нет, не парень из «Сёмска», этот не из той породы и даже если получил в морду, то воспринял это заслуженно, стучать такой не будет. Когда меня и моего соседа на утреннем построении вывели и начали иметь и в хвост и в гриву, «казахстанец» выглядел недоуменно, ведь многие могли подумать, что это он наступал. А он потом на

завтраке сам подошёл ко мне и пытался доказать, что это не его рук дело. Я ему поверил, и Слава тоже. А вечером нам торжественно сообщили, что мы представляем первую роту молодого пополнения на соревнованиях по рукопашному бою. Ротный, огромного роста старший лейтенант, виденный нами за весь курс молодого матроса всего три раза, громко зачитал наши фамилии, и мы вышли из строя. Меня начал колотить озноб, Слава был безучастен. Сто двадцать молодых матросов смотрели на нас с ужасом. Взводник Хромов теребил на груди плечевой ремень портупей и кусал губы. Синельников делал страшные глаза. Ротный сказал еще пару фраз, которые я абсолютно не слышал. Очнулся я в «Ленинском» кубрике.

— Матросы, вы законтрились по полной, — говорил Хромов, — раньше в роте, когда мы набирали сами, и борцы были, и дзюдоисты, и каратисты, можно было выбирать, а сейчас, когда флотское ПТК (профессионально-техническая комиссия) своими представителями вас набрало, жопа полная! Вы понимаете, с кем будете биться? Во второй роте, там набор нормальный, двоих боксеров точно выставят, в учебке полно нормальных бойцов. Там Семенов чемпион, на флотские в прошлом году ездил — второе место взял, мне вас ей-богу жалко. Жаловаться можно кому угодно — хоть замполиту, хоть главному комсомольцу, хоть Горбачеву. «Камень» (ротный) если сказал, значит, пойдёте биться, что молчите???

— А что сказать, — чуть ли не прошептал Слава и опустил голову.

Меня снова начало трясти.

— Синий, короче, сейчас берешь их и давай в санчасть, потом к начфизу, в спорткомитет части, оформляй заявки комиссии, проходи с ними взвешивания, на всю неделю их от занятий освобождай, с утра и до вечера в нашем ротном спорткубрике запирай и тренируй, как можешь, ты же сам в прошлом году дрался.

— Ага, — сказал гордо Синельников, — в финал даже почти вышел! Я примерно знаю, кого выставят будут. Будем думать.

Всё! С нами бесповоротно решилось. Мы были отданы на растерзание суровой спортивной общественности. Может быть, мы и не упадём от первых ударов на маты и не вылетим за канаты. А это уже большой плюс. Так, по крайней мере, обещал суровый сержант «Синий».

Неделя у нас была адской. То, что мы бегали вместе со всеми на зарядке пять километров, а потом еще через час пять и вечером пять — это нормально. Это мелочи. Синий нас буквально убивал на матах. Мы одевали на себя всю, какую возможно, защиту и прыгали, носились по периметру и держали град ударов от неистового сержанта. Славе упор делали на ударную технику. Мне же упор делали «ни на что» — главное, чтобы в первом раунде меня не унесли санитары, а там хватай противника за шею, вцепляйся, как бультерьер, и виси на нем. За два дня до воскресенья мы тренироваться перестали, сходили в соседнюю роту, посмотрели на тренировку будущих соперников, ужаснулись и были выдворены пинками местных сержантов.

В утро выступления я мандражировал больше обычного. Славик был невозмутим. По приходу в спортзал от суеты, от повторных взвешиваний и составления каких-то списков, голова пошла кругом. А потом я резко успокоился. На ринг я выходил первым из нашей двойки, выступления других участников не видел. Мы сидели в раздевалке и тихонько переговаривались. Дальше выхода Синий нас не пустил. Мне даже не сказали, кто мой противник.

— А тебе не п.х? — сказал мне «Синий» и, схватив за руку, повел в зал к рингу.

Мое появление в синих атласных трусах, старой самбовке и защитном шлеме вызвало бурю эмоций. В зале раздался свист, смех, улюлюканье и слабые крики поддержки из рядов первой роты молодого пополнения.

Комментатор что-то пробубнил в микрофон, и я с ужасом узрел своего соперника: такого же роста, как я, белообрый и с тугими жгутами мышц. Сержант из постоянного состава. По-моему, боксер. Да, ну вот и все, сейчас меня прилепят здесь, как муху. Мой противник был даже без шлема — в одних спортивных штанах, с голым торсом — и всем видом пытался походить на входящего в моду киноактера видеобоевиков.

Почему-то я вспомнил, что видел этого сержанта на взвешивании в трусах и у него очень тонкие ноги. К чему это вспомнил, сам даже не понял. Рефери проговорил, ощупал мои перчатки и махнул рукой. Гонг. И тут же мне прилетело «крюком» в бороду. Ох, ты... Чёрт, чуть не вырубился! Слава богу, успел махнуть головой и удар пришелся вскользь, а то бы выстегнул меня в первые секунды схватки. Трибуны засвистели, заржали. А я, как заяц, начал носиться вдоль канатов от своего соперника. Один раз даже проскользнул у него под рукой и схватил сзади за пояс, и тут же мне прилетело с разворота в ухо локтем. Ууууу... как больно-то. Однако что это такое? Гонг!! Ураа!!! Раунд прошёл, а я на ногах. Что мне говорили Хромов и Синельников на ухо, я так и не понял. Я смотрел на своего соперника, а он полоскал рот и... тяжело дышал. Я прислушался к себе и с удивлением заметил, что дышу как обычно, не напрягаясь и не хватая ртом воздух.

Аааа!!! Да здравствуют наши старшина, взводник и командиры отделений! Вот тебе и отдаются ежедневные пробежки по пять километров. Я абсолютно не запыхался и не устал. Чувствую себя так же, как и перед началом схватки.

Второй раунд я носился по квадрату ринга, как бешеный заяц, и темп не снижал. Мой соперник крутился волчком, пару раз срывался в галоп за мной, а зал хохотал. Чтобы меня не засудили за пассивное ведение боя, я пару раз бросался в ноги и на плечи противника, хотя и был отброшен, как котенок, ощутимых ударов не получил. Гонг!

Сажу на табуретке и прислушиваюсь к себе — нормально! Ну чуть, самую малость подзапахался, но мой противник в другом углу ринга дышит как паровоз.

— Ты его что, умотать решил? — заорал мне в ухо Хромов

— Так точно, — проорал я в ответ.

— Ну ты, блин, комик. Давай, молодцом...

Третий раунд. Я носился, как заведенный, прыгая из стороны в сторону, ныряя и подныривая. Сержант уже двигался медленнее и старался держать меня на расстоянии.

На последних минутах я ринулся вперед, чудом уклонился от удара правой и обеими руками вцепился в шею противника, беря его в захват и поджав ноги. Слева прилетело в голову, но не сильно, спасли вовремя поднятые плечи. Сержант не смог удержать меня на себе и постарался упасть сверху, уже абсолютно не напрягаясь. Я чуть повернул, и мы грохнулись оба на пол. Благодаря довороту, я оказался на боку со спины сержанта, пришлось обхватить его ногами и давить со всей силы. В зале ревели, мой противник сипел.

«Ну, всё, мне — п...ц!» — промелькнуло в мозгах... Гонг!

Разжимаю захват, откатываюсь в сторону и вскакиваю. Сержант поднимается с трудом, пошатывается и бредет в свой угол. Ну всё — первый поединок мой. Когда мы вышли на объявление и пожатие рук, мой противник шепнул на ухо: «Жди меня в своей раздевалке».

Ну, сейчас мне реально достанется. Возле ринга подскочили до меня «Синий» и Хромов.

— Что он тебе сказал? Напрягал??

— Да нет, сказал — жди.

— Пойдем, не ссы, мы с тобой побыстрее разберемся, у нас через бой «Москва» идёт.

Поверженный мной соперник пришел через пару минут и с удивлением посмотрел на моих отцов-командиров:

— Вы что, думаете, я разборки с карасем пришёл чинить?!

— Кто тебя знает, но это наш матрос, и мы тебе за него матку вывернем.

— Да он, по-моему, и сам может, — ухмыльнулся пришлый сержант, — я по другому вопросу. Да нормально все будет, Михалыч, ты же меня знаешь, — обратился он к Хромову, — дай минуту с пацаном перебазарить!

— Базарь, мы идем второго готовить, но, ежели что, я тебя сам здесь уложу, — пообещал взводник и утянул за собой Славика и Синельникова. Славик был в прострации перед боем и мало на что реагировал.

— Садись, — кивнул мне мой бывший соперник.

Я с опаской присел на лавочку.

— Не менжуйся, все путём! Ты по чесноку отрубил — на дыхалке меня взял. Тебя, кстати, как зовут?

Я представился.

— Женя, — представился мой оппонент и протянул для пожатия руку. Познакомились. Я продолжал молчать.

— Короче, слушай. У тебя следующий спарринг с Климом, я с ним всегда бился, а вот теперь ты будешь, меня курево, видно, подвело, а у тебя дыхалка норма, и носитесь вы, как олени, вот и умотал меня.

— А Клим-то что? — наконец подал я голос.

— Он борец и ногами здорово машет. Я тебе сейчас все его связки расскажу. Ты ни разу не видел, как он машется?

— Да откуда! Раз пришли посмотреть — нас выперли из спортзала.

— Ну ясно, смотри: он сразу же после гонга в ноги бьет со всей дури, а потом сразу идёт на захват через бедро. Это у него основная, руками он почти не бьёт, если успеешь от ног уйти, так же бегай, но на захваты не иди, он тебя переиграет легко. Ручками его попробуй, он удары в голову слабо держит, я его на этом брал.

— Да постараюсь, — уныло ответил я, настроение с радужного опять резко упало.

— А вообще не кипешишь, тут стараются по-честному, а тем более ты из роты Камня, а это капец, хрен кто полезет, я отвечаю.

Мы еще раз пожали друг другу руки, и неожиданный союзник удалился. Я побежал смотреть на бой Славика. А там было на что посмотреть. «Москва» обрабатывал соперника методично, словно отбойный молоток, а держался на ринге великолепно. Ловко уклонялся от ударов, шел на сближение, короткими сериями в два-три удара отрабатывал в корпус, отходил и все заново. Во втором раунде он взял победу за явным преимуществом.

Хромов ликовал, наша рота — вопила.

— Караси, вы по паре увольнений взяли, — орал нам возбуждённый «Синий»

Вот и подошло время второго спарринга. То, что говорил мне Женья, это одно, а я придумал совсем другое. Главное — опередить Клима. И я его опередил буквально на доли секунды.

Тот удар в бедро, который мне тренировал матрос Конкин когда-то, очень пригодился. Врезал я со всей дури с достаточно высокого угла. Ох, не зря я не забрасывал это дело.

Лоу-кик вышел просто сказочный. Клим перекосячил в лице и запрыгал на одной ноге, выставив вперед руки. Ааааа... что мне терять, я бросился вперед, ушел от пытавшихся в меня вцепиться рук влево и, по инерции крутанувшись вокруг своей оси, успел со всей дури влупить в правую ногу точно такой же лоу-кик со своей правой. Вот теперь Клима не мог пользоваться ногами во всю мощь: кое-как я ему их отсушил. Интересно, сильно я его приложил? Подъем голени у меня чувствительно ныл. Клима попытался сделать мне подкат в ноги, я отпрыгнул и снова врезал ему в правую. Клима упал на колени и, упершись руками, попытался встать.

— Добеееййй, — орал из зала наши.

Добивать я не стал. Отошёл и стал ждать, когда соперник подыметесь. Если бы я его добил, то, может быть, отношения впоследствии с Климом сложились и по-другому. Но после объявления победителя на рукопожатии он так же, как и предыдущий соперник, прохрипел мне на ухо: «Б...я, ну у тебя и гачи, молоток, карась». Слава «Москва» выиграл все спарринги и стал чемпионом части. Я лег в четвертом поединке. Завалил меня профессионал-борец, такой же молодой матрос, как и я, со второй роты молодого пополнения. Устал он со мной жуть, я устал гораздо меньше, но он все-таки вцепился в меня как клещи и, несмотря на отбитые мною ноги, перевел борьбу в партер, не давая ударить, и там уже вывел меня на удушающий. Я хлопать по ковру не собирался и тихонько терял сознание, а потом отключился. Очнулся от едкого запаха нашатыря и хлопков по щекам. Вышли мы оба на ринг, я пошатывался, матрос-борец хромал.

Почему-то я себя проигравшим не чувствовал. «Синий» одобрительно меня похлопал по плечу, Хромов показал большой палец. А Слава на ринге добивал очередного соперника.

Как оказалось, тихий «Москва» — чемпион Москвы и области по боксу в каком-то там весе.

А ежедневные «лошадиные скачки» добавили ему «дыхалки» и крепости в ногах. Вот и попробуй победить такого. Вскоре после присяги Славик уехал на флотские соревнования, а оттуда напрямиком в сборную флота и в учебке уже больше не появлялся.

Глава 1

Прямо с занятий меня вызвали к командиру роты, и я, «взбледнув» с лица, поперся под чутким руководством «Синего» в канцелярию. Ничего страшного. Меня направили на какие-то дополнительные комиссии, и какой-то

очень знакомый на лицо флотский дядька в погонах майора, но называемый Камнем «тащ каптриранга», задал мне пару вопросов, спросил, знаю ли какие иностранные языки, задал пару вопросов на английском. Поинтересовался, как я отношусь с прыжкам с парашютом, не боюсь ли? Я сказал, что в моем УПК (учебно-послужная карта) должна быть парашютная книжка. После непродолжительных поисков её вытащили на свет божий.

— Шестьдесят два прыжка, вполне нормально. Вы где прыгали, товарищ матрос?

— В ДОСААФЕ, товарищ капитан третьего ранга, — постарался я угодить флотскому человеку, не назвав его майором, — и насчет водолазных спусков у меня дома акваланг «Украина» есть, сам обслуживаю и заправляю.

— С чего ты решил, что меня интересуют спуски? — удивился флотский со знакомым лицом.

— Комиссия, на которую меня направляют, как раз на пригодность к водолажным работам, и еще потому, что вы служите в разведке.

Ротный и капитан третьего ранга недоуменно переглянулись.

— Товарищ капитан третьего ранга, вы меня, наверно, не узнали. Вы еще на Черноморском флоте служили, в гости к нам заходили, к моему отцу.

— Ааа... еп...ть!! — воскликнул капитан третьего ранга Чернокутский, — вот тебе на, а я смотрю: на кого ты похож!! Ты что тут делаешь?

Я скромно промолчал. Вопрос о моем переводе к другому месту службы в течение нескольких недель после принятия присяги дальше уже решался без меня.

Хромов, услышав о моем переводе, заскучал, но потом довольно крякнул:

— Эх, каких кадров не для себя растим, будешь ты теперь не морским пехотинцем, а водолазом. Крепись, там у них такая жопа...